

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

АЛЕКСАНДР НЕСТРУГИН

* * *

Июль. Жарища! Тают смолы,
Редуют ясеней чубы.
Ульи дымятся! Это пчёлы,
Гудя, свиваются в клубы.

Им, говорят, неведом разум...
Не знаю. Верится с трудом.
Все вдруг, как мы, поднявшись разом,
Не рушат пчёлы старый дом!

Не бьют своих, не грабят соты,
Не губят милую детву...
И хоть один, да знает кто-то
Дорогу к цели — наяву!

...Опять гудят, опять мелькают!
Закрывши доли и холмы,
Они, клубясь, не тьму скликают —
Свободу празднуют. А мы?

* * *

Побелеют скоро берега,
Чёрный лес да ржавая куга.
И не тучи тут виной — скорей
Бело-синий снег осокорей.
Сколько лет промчалось, Бог ты мой!
Скажешь: “Дон!”, а слышится: “Домой”.
Сердце не в заоблачных мирах
Заплутало — в трёх осокорях.
Не в одних берёзах моя Русь.
Я щекой к осокорям прижмусь...
Потому что рядом с ними рос,
Не скрывая радостей и слёз.
Ежевика колкая плелась,
Стёжка неприметная вилась...
Чьи-то — к дальним странам до морям,
А моя — всё к ним, к осокорям.
“Двигай в город, — мне дают совет, —
Там хоть поглядишь на белый свет”.
Я же всё качаю головой...
Света хватит мне и тут — с лихвой!
На высоком берегу донском,
Где мне каждый камешек знаком,
Ранний холод высветил стволы,
И осокори мои — белы.

ПОВОРОТ

*Вдруг ослепит на повороте
Холодный льдистый свет небес...*

Н. Дмитриев

Где простор, где народ,
Где сердечная смута,
Коля, твой поворот
Забирал слишком круто!

Он листок отлепил
От стекла ветрового,
И тебя ослепил —
Свет небесного слова...

Что чужих не берёт.
И чужим не даёт.
...Где простор, где народ —
Всё потом остаётся...

*с. Петропавловка
Воронежской обл.*

ВАДИМ ВОЕВОДИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кто помнит имена героев, павших
При Мантинее или Гавгамелах?
Другие времена, другие войны...
Как Одиссей, мечтавший об Итаке,
Я возвращаюсь в город, где моё
Никто и не заметил возвращенье,
Никто не ждёт с цветами на перроне,
Я сам не осознал ещё вполне,
Что я вернулся... Через галерею
Я выхожу на площадь к трём вокзалам,
Носильщики кричат: "Посторонись!"
Слепой старик играет на баяне
О подмосковных тихих вечерах,
И голуби гуляют по карнизам...
Я вспоминаю город, где плывёт
Над крышами сигнальная ракета,
В подъездах гильзы, битое стекло,
Пакеты из-под марли, пятна крови.
На почерневших стенах имена
Тех, кто вчера держал здесь оборону...
Забудется и это... Промелькнёт
В обрывках снов и канет в бесконечность...

* * *

На фресках времён Филарета,
Мятежных раздоров, войны
То ангелы в облаке света,
То люди родной стороны.

Запомнил я строгие лица
Волхвов, что в славянских снегах
Младенцу идут поклониться,
С дарами земными в руках.

Икона в серебряной ризе
Хранит тишину и покой,
Святая Земля, ты и в жизни,
И в смерти останься со мной.

У церкви Бориса и Глеба
Источник целебной воды.
Безоблачно летнее небо,
На яблонях зреют плоды.

Но память, в багровые дали,
По волчьему следу зовёт,
И кто утолит мне печали,
От тёмного рока спасёт?

Там тени растерзанных снова
Из гроба на царство встают,
Там в клетке везут Пугачёва,
О Разине песни поют,

Но северным ветром гонимы,
Земля моя, где-то в снегах
Идут по тебе пилигримы
К младенцу с дарами в руках.

г. Комсомольск-на-Амуре

АНАТОЛИЙ ЗАПРЯГАЕВ

ГАРМОНЬ

Что в сердцах разжигала огонь
И звала под берёзы и липы,
Подаянье просила гармонь,
И текли её вздохи и всхлипы.

На бетонном полу инвалид
Переплавил всю боль свою в звуки:
“Почему я в бою не убит?” —
Выводили озябшие руки.

“Почему я в бою не убит?” —
Голова на меха опустилась.
И всем телом дрожал инвалид,
А толпа от него
сторонилась...

* * *

Скулила осень в лозняке,
Окно лизала стынь.
Столовым ножиком в тоске
Мой дед строгал костыль.

В тот вечер я почти не спал,
Вздыхая в полусне.
Коптилки слабый свет дрожал,
И страшно было мне.

Хотелось горько зареветь
О детском, о своём...
Но строго дед сказал:
“Не сметь!
Мы завтра заживём!”

Тонула в сумерках изба
В послевоенной мгле...
Качалась вся моя судьба
На этом костыле.

ЛЁТЧИКУ-ИСПЫТАТЕЛЮ

Как на чаше весов
Поднебесье и небо.
За чертой роковой —
Повеленье Земли.
Ты на той высоте,
Где никто ещё не был.
Где-то там, далеко
Под тобой журавли.
И в единый клубок:
Разъярённое небо,
И лесные штыри,
И озёрный обвал,
И поля золотистого
Русского хлеба
Замотаает
Как прежде послушный
Штурвал!

Эти годы прошли...
Смотришь в небо ревниво.
Словно ищешь судьбы
Затерявшийся след.
Где всегда находил ты
Легко и красиво
Межсекундный,
Единственный верный
Просвет!
Где познал ты сполна,
Что подвластно не многим,
Горькой думою душу
Свою не трави,
Что твои заросли
Облаками дороги
И уже над тобою
Кричат журавли...

г. Смоленск

АЛЕКСАНДР ПОШЕХОНОВ

* * *

Памяти Виктора Кортаева

К ушедшему другу душа воспарит,
И память заполнит пространство!..
Какой дуралей вам опять говорит,
Что гибнут поэты от пьянства?

Ответьте, ответьте, какой обормот
Придумал такую забаву:
Прилюдно твердить, что поэт — это мот,
Купивший у дьявола славу?

Пусть стыд обуяет того гордеца
За горькую ложь о поэте.
Поэт — это флейта в руках у Творца,
Чистейшая флейта на свете!

СПИЧКИ

Я вырос давно
Из штанишек “а-ля хулиган”,
Я многое в жизни увидел
И стал очевидцем,
Как мягко вздыхает о будущем
Древний курган,
Как снятся земле по ночам
Васильковые ситцы.

Я стал очевидцем,
Но это меня не спасло
От смутного взгляда
Державы моей прокажённой.
С тех пор невесёлые думы
Туманят чело,
И пахнет вселенским пожаром
От спички зажжённой.

С тех пор, как в часах,
Что-то важное сбилось во мне —
Узнать не могу
Ни людей, ни людские привычки.
Печальным изгоем брожу
По печальной стране,
Зажав в кулаке —
Бесполезные в общем-то —
Спички...

КАК ПОЗАБУДЕШЬ

В нашем унылом пространстве,
Где через день — непогода,
Как позабудешь о пьянстве —
Горькой отраде народа?!

Как позабудешь о хвори
Милой сторонушки древней,
Лесом поросшего поля
Да развалюхи-деревни?!

Песни печального слога —
Как же ты их позабудешь?!
С ними по русским дорогам
Разве скитаться не будешь?!

И, в обстановке ненастья
Тупо бодаясь с ветрами,
Как позабудешь о счастье,
Что — как всегда — за горами?!

г. Череповец

ВЛАДИМИР БАЛАЧАН

БОРОНИ, БОРОНА!

Расплескалась пашня ровно,
Вороным-ворона...
Ну, шагай, моя корова,
Борони, борона!

Борони за дедом следом —
Дед бросает семена.
Будем жить — коль будем с хлебом...
Борони, борона!

Одари, земля, за беды
И за труд воздай сполна.
В нашем хлебе — часть победы...
Борони, борона!

Далеко, в краю суровом,
Третий год идёт война...
Ну, шагай, моя корова,
Борони, борона!

Ну, шагай, а вечер зябко
Притаился у гумна.
Ждёт с ведром тебя хозяйка...
Борони, борона!

Встретит ласково и снимет
Шорку жёсткую она
И пустое тронет вымя...
Борони, борона!

И заплачут горько, громко —
Дети скопом у окна...
Ну, шагай, моя бурёнка,
Борони, борона!

УГОЛЬКИ

Тяжёлое,
Безрадостное время —
Война!
Живя заботами о нас,
Зимой и летом женщины в деревне
В печах огонь хранили про запас.

Тот уголёк...
Из маленькой загнётки
Глядел кошачьим
Огненным зрачком.
И приходили к матери соседки
За добрым словом и за огоньком.

Сгущались ночи.
Ветви индевели.
На улице стихали голоса.
И вот уже окошки розовели,
И дым пускали трубы в небеса.

И в каждом доме
Жарили картошку.
И приходило в каждый дом тепло.
Так оживало к ночи понемножку
Сибирское военное село.

А утром бабам —
Снова на работу:
Доить коров,
Грузить — на фронт! — мешки,
Рубить дрова...
А дома у кого-то
В загнётке оставались угольки.

РУКИ

С утра до вечера дела:
Пахала, рожь косила —
Тогда у матери была
В руках большая сила.

В те непосильные года
Они топор держали,
Носили вёдра — никогда
В работе не дрожали.

Хоть уставали от трудов,
Но слушались хозяйку,
Деля на шесть голодных ртов
Ржаного хлеба пайку.

Но я-то видел, как в ночи —
Не позабуду сроду! —
Мать прислоняла их к печи
И опускала в воду.

Ни на колени положить,
Ни взять для штопки брюки, —
Как будто ей мешают жить
Её большие руки.

г. Омск

ВЛАДИМИР ШЕВНИН

* * *

Тёплое дерево.
Малая родина.
Дождик стучится в окно.
Что передумано,
Что мною пройдено —
Крутится лента кино...

Тут, в переулочках,
Спрятаны в памяти
Тысячи лиц и имён.
Жёлтые лилии
Плавают в заводи,
На поле клевер да лён.

Низкое небо
Висит над дорогою.
Старый автобус пылит.
Мелкая речка
С ершом да сорогою.
Кот на поленнице спит.

Бабки сидят
У ворот на скамеечке,
Тихо ведут разговор
Всё о хлеб-соли,
О русской копеечке..
“Что ни начальник, то вор!”.

Здесь мы росли,
Вырастали и старились.
Здесь обретали покой.
Старая банька,
Где прадеды парились
Пихтовой хвоей лесной.

Стены собора,
Видения адовы,
Крестик на чёрном шнурке.
Детские страхи,
Первые радости.
Всадник на белом коне.

В гнев Господнем,
Любви или милости —
С родиной я во все дни.
От мора и глада,
Глупости, лихости,
Боже, Россию храни!

* * *

Кружатся дни, словно вороны,
Чёрный отметив рубеж,
И разлетаются в стороны,
Будто сгоревший Манеж —

В опись и жертву заклания,
В эхо ночных мятежей,
В пыль от массивного здания,
В пепел больших площадей.

Плач над таёжною Кольчью,
Над перекатной Немдой...
Что ж мы наделали, сволочи,
С нашей великой страной!..

Мир этот равен мгновению.
Разум в плену новостей...
Как научиться смирению
В мире безумных страстей?

Как с этой раной нательною
Глупо и радостно жить?
Как же рубашку смертельную,
Не умирая, носить?

ВЕТЕРАН

— Держись, Санёк, обходят танки справа!
Прямой наводкой — в лоб их!.. перемать!..
За ним река, отход и переправа.
У них приказ — высоты не сдавать!..

Он снова у Днепра. И сталью Круппа
Прёт на него вся ненависть европ...
У них — один снаряд, четыре трупа...
За ним земля, не брошенная в гроб...

Но выстояли, выдюжили, выжив,
Чтобы пропасть под Харьковом в котле...
Полуподвал. Попискивают мыши.
И водка с чёрным хлебом на столе.

Он молча пьёт. Сморкается. И плачет.
И вспоминает прошлую войну...
Он ничего для Родины не значит.
Держава не обязана ему.

Москва